

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1934. 25 декабря.

Дорогие друзья,
Иван Степанович,
Валентина Петровна,

Хоть не наши сейчас Святки, невольно вспоминаешь тех, кого любишь, и, откладывая подробное письмо на позднейший срок, шлем пока несколько слов пожелания Вам, всегда нами помнимым, светлых чувств, доброго здоровья, хороших вестей от близких-далеких и счастливого поворота, в Новом Году, всех дел человеческих от Тьмы к Свету.

Ваши

Ел(ена) и К. Бальмонт.

(Окончание следует)

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-190-201

И. А. БУНИН. ИЗ ДНЕВНИКОВ 1944—1945 ГОДОВ. ДНЕВНИКИ 1946—1953 ГОДОВ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Т. М. ДВИНЯТИНОЙ)

И. А. Бунин говорил, что дневники — «одна из самых прекрасных литературных форм»,¹ но сам большую часть своих дневников сжег. Он по крайней мере дважды избавлялся от записей, которые не хотел доверять чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 года мы знаем из записи его жены, Веры Николаевны Буниной,² о том, как это было в 1941 году, — из его собственной: «Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни».³

Можно предположить, что таких случаев было в его жизни значительно больше. В декабре 1931 года Бунин признался жене, что сжег семнадцать страниц «Жизни Арсеньева».⁴ В 1934 году он забрал у Г. Н. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их.⁵ О том, что «различные тетрадки с картонными обложками»

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса. За расшивку ряда записей и помощь при комментировании благодарю также Г. З. Брэдли, М. В. Захарову и О. А. Ростову. Тексты печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

¹ И далее: «Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. С. 149; запись от 23 февраля 1916 года).

² См.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. (...) „Я не хочу показываться в одном белье“» (Устами Буниных. Т. 2. С. 145—146; запись от 30 июля 1925 года).

³ Устами Буниных. Т. 3. С. 86. Запись И. А. Бунина от 8 марта 1941 года.

⁴ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В. Н. Буниной, запись от 24 декабря 1931 года.

⁵ РАЛ. MS 1067/532. Дневник И. А. Бунина, запись от 2 мая 1940 года.

время от времени становились жертвой «аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей печурке», вспоминал и А. В. Бахрах, прошедший военные годы в доме Бунина в Грасе.⁶ Наконец, разбирая свой архив перед планировавшейся отправкой его в Колумбийский университет (Нью-Йорк) в конце 1952 года, Бунин имел возможность избавиться от тех рукописей, которые не должны были, по его мнению, попасться на глаза «каким-то литературоведам», — «а чрезмерной благосклонностью к ним он не отличался».⁷ Бахрах, которому принадлежит последнее наблюдение, описал один из своих разговоров с Буниным: тот признался, что ведет дневник и «невольно делает это с оглядкой на печать (...)» Ведь это профессиональная деформация, — добавил он, улыбнувшись, но одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. — (...) Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками ни случилось, полный их текст никогда не увидит света».⁸

Разумеется, это так. И не только полный текст дневников Бунина не существует более (и принимая во внимание вышесказанное, никогда не существовал), но и те фрагменты, которые не были уничтожены автором, приходится собирать по частям в разных сегментах его архива. В тетрадах остались только дневники 1941—1945 годов.⁹ Все прочие дневниковые записи Бунина — первичные, сохраненные им на протяжении всей жизни, или позднейшие, переписанные в более поздние своды с начальных, — рассеяны: они встречаются и в составленных самим Буниным дневниковых подборках, и в записных книжках, и среди единичных записей на отдельных листах или обрывках бумаги.

Настоящая публикация охватывает последние десять лет жизни Бунина и состоит из двух частей: ранее неизвестных записей 1944—1945 годов и дневникового свода 1946—1953 годов.

Самые ранние из этих записей сделаны, когда Бунину уже 74 года. До окончания войны он живет с женой на юге Франции, в Грасе, потом переезжает в Париж, в свою квартиру на rue Jacques Offenbach, 1. Позднее он об этом вспоминал: «...до возвращения в Париж из Граса, до мая 45-го года, я молодым козлом носился вверх и вниз по той почти отвесной горе, на которой стоит та английская вилла, где жили мы все время войны, да даже первый, и, кажется, второй год в Париже был еще ничего себе, а осенью второго года схватил воспаление легких, — всю мою жизнь бывших на редкость отличных, а с тех (пор) пошла писать губерния!»¹⁰ Так Бунин писал Ф. А. Степуну в 1951 году и перечислял болезни, которые одна за другой обступали его и заставляли выбираться хотя бы на пару месяцев в году уже не в Грас, а в Русский дом в Жуан-ле-Пене (см. прим. 8 к записи от 9 марта 1945 года и прим. 1 к записи от 17—18 марта 1950 года). В первый же раз вернувшись с юга в Париж (летом 1947 года), Бунин оказался в водовороте политической жизни: в конце мая на собрании Союза русских писателей и журналистов был поставлен вопрос об исключении из него тех членов, кто принял советское гражданство. После ожесточенных споров их исключение состоялось в ноябре, а вскоре и Бунин подал заявление о выходе из Союза. Этот шаг рассорил его с давними друзьями, прежде всего с Б. К. Зайцевым и М. С. Цетлиной, расценившими поступок Бунина как поддержку «красных». Сам Бунин тогда уже знал, что будет доживать свою жизнь во Франции, что, отказавшись от всех предложений, он не поедет в СССР и что надежды на издания его произведений на родине провалились.¹¹ Все

⁶ Бахрах А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. статья, комм. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 175—176.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ РАЛ. MS 1066/533—535, в общей сложности эти дневники включают в себя записи с 1 февраля 1941-го по 24 марта 1945 года.

¹⁰ Письма И. А. Бунина к Ф. А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 118. С. 121; письмо от 26 марта 1951 года.

¹¹ Историю несостоявшегося издания избранных произведений Бунина в Гослитиздате можно проследить по переписке Бунина с Н. Д. Телешовым 1945—1946 годов, см.:

его решения этого времени, показывающие независимость и силу характера, это решения человека, который уже едва мог ходить, до того был физически истощен долгой болезнью, немощью и почти постоянным недоеданием (финансовые дела Буниных в последние годы обстояли особенно плохо). «Худ я стал просто чудовищно — нечто такое, что я видел когда-то в Каире, в Булакском музее, — мумия Рамзеса, слаб так, что два—три шага по комнате и того гляди полетишь на пол от сердцебиения и головокружения»,¹² — признавался он в том же письме Степуну. Бунин еще работает: пишет «Воспоминания», собирает материал для книги о Чехове, выпускает первое полное издание «Жизни Арсеньева» и два последних сборника рассказов (см. записи декабря 1952 года), вновь и вновь пересматривает свой архив и правит тексты своих сочинений для будущих изданий. И мысли о смерти, неизбежном конце не оставляют его...

Помимо биографического, выбор для публикации записей 1944—1953 годов имеет и эдичионное обоснование. Из десяти записных книжек, указанных в Каталоге Бунинской коллекции,¹³ наиболее ранние записи дневникового характера присутствуют в записной книжке 1944 года:¹⁴ соответственно, начиная с этого времени и имеет смысл рассматривать их в общем контексте бунинских дневников.

При этом надо отметить, что значительная часть дневников Бунина 1944—1945 годов уже была напечатана в трехтомном издании «Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы», подготовленном М. Э. Грин.¹⁵ Те записи, которые велись Буниным в специальном «Дневнике»,¹⁶ но не были включены в издание М. Э. Грин, войдут в полную публикацию дневников Бунина, которая в настоящее время готовится для бунинского тома в серии «Литературное наследство». Соответственно, для данной публикации отобраны те записи, которые остались в записных книжках, а также на отдельных листах и обрывках бумаги.

По ним же собраны дневниковые записи Бунина 1946—1953 годов. Относящихся к этим годам тетрадей дневников или позднейших, специально составленных дневниковых подборок Бунина не сохранилось и, вероятно, не было. Если бы они были, Бунин в последние годы уничтожил бы, скорее, отдельные записи, перенеся их в дневниковые своды, — однако отдельные записи остались, а сводов послевоенных лет в его архиве нет. Таким образом, дневниковые записи Бунина последних лет жизни могут быть воссозданы только по материалам его записных книжек и разрозненных единичных заметок. Из них пять записей нашли отражение в своде М. Э. Грин (14 октября 1946 года, 2—3 октября 1949 года, 27—28 января, 23 февраля и 2 мая 1953 года), остальные публикуются здесь впервые.

Под дневниковыми записями понимаются записи событий, впечатлений и размышлений, приходящиеся на конкретные дни текущей жизни. В них не входят ни творческие наброски, ни мемуарные заметки, ни готовые рукописи произведений,

Лит. наследство. 1973. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: В 2 кн. Кн. 1. С. 624—633 и др.

¹² Письма И. А. Бунина к Ф. А. Степуну. С. 122.

¹³ Heywood A. J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by R. D. Davies, with the Assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. 19—20 (РАЛ. MS 1066/547—556).

¹⁴ РАЛ. MS 1066/548.

¹⁵ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt a/M., 1977—1982. Еще три записи из книжки (РАЛ. MS 1066/548; 1 апреля, 13 октября и 10 ноября 1944 года) вошли в статью: Двинятина Т. М. Записная книжка И. А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131—146 (Тр. Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215); запись от 14 июня 1951 года включена во вступительную статью М. Д. Шраера к переписке Бунина и Набокова (см.: С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвиса и В. А. Келдыша. М., 2002. С. 182).

¹⁶ РАЛ. MS 1066/535.

ни отпуска отправленных писем.¹⁷ Далее к их отбору и публикации следует сделать ряд уточнений.

Сам характер записных книжек не предполагает строгой хронологии и тематического единства. Бунин, во-первых, имел обыкновение сводить в свои записные книжки разрозненные фрагменты,¹⁸ прежде набросанные им на случайных листах или обрывках, во-вторых, мог параллельно пользоваться не одной, а несколькими тетрадями и страницы одной записной книжки заполнять непоследовательно, порой заноса свои заметки на любые свободные страницы.¹⁹ Собственно дневниковые записи оказывались там в ряду иных, время записи которых представлялась Бунину неважным, — они и остались недатированными. Но те записи, которые в этом потоке мыслей, образов, заметок, воспоминаний Бунин отметил конкретной датой (не тем временем, к которому относится записанное воспоминание, и не датой, которая вместе с цитатой оказалась взятой из источника, откуда он сделал ту или иную выписку, а датой его личного переживания и письменного запечатления), могут и должны рассматриваться в том числе в контексте его дневниковых записей.

Иными словами, определяющим признаком дневниковой записи является синхронная событию авторская дата. Однако из этого правила есть исключение. Некоторые записи, имеющие конкретную дату, продолжают другими, формально не имеющими даты, но определенно связанными с предыдущими временными указаниями и приуроченностью к текущим событиям. В таком случае и те и другие могут рассматриваться как дневниковые (см.: например, две записи «Вчера, 10/23 окт. 1949 г. (...)» и «Нынче Вера видела...»). Если же временных привязок между записями нет, то только в редких случаях очевидное совпадение чернил, почерка, наклона письма позволяет объединять записи, сопровождаемые авторской датой с формально не датированными соседними (см. 14 октября 1944 года, 29 марта 1950 года, 17—18 мая и 22—23 июня 1951 года, 8—9 декабря 1952 года).

Если в отдельных (не связанных с датированными) записях встречаются временные маркеры («вчера» и т. п.), то при отсутствии прочих хронологических указателей они к дневниковым записям не относятся, пребывая в кругу записей значительно более широкого характера.

Так же и записи, взятые, возможно, из других источников и не подкрепленные датировками самого Бунина остаются за рамками настоящей публикации. Так, например, запись «24 дек. 47 г. на 84-м году жизни умер в Москве С. Л. Толстой»,²⁰ судя по контексту всей записной книжки, чернилам и т. д., была сделана вскоре после получения известия, в ней отраженного, но за неимением решающего аргумента — даты Бунина — в собственно дневниковые записи включена быть не может.

Наконец, в дневниковые записи не включаются вклеенные в записные книжки газетные вырезки, как, например, лист отрывного календаря от 16 февраля 1948 года, на котором в качестве памятных дат отмечены годовщины смерти Э. Багрицкого (1934) и И. М. Москвина (1945).²¹

¹⁷ Примерами таких записей, присутствующих в записных книжках Бунина и не включенных в настоящих дневниковый свод, могут быть ретроспективная заметка «Начало января 33 г. Мы с Г(алиной) в Париже в отеле Пажу — болыны оба» (РАЛ. MS 1066/550) и стихотворение «Х. Алю Б. нередко прославлял...» (РАЛ. MS 1066/551), датированное «Весна 1945 г.», но записанное, очевидно, позже (так как записано оно синей шариковой ручкой, которой у Бунина весной 1945 года в только освободившемся от войны Грасе еще не было).

¹⁸ См. записи от 10 декабря 1950 года и 17 января 1951 года, расположенные в одной и той же записной книжке в обратной последовательности.

¹⁹ См. и две записи 10 ноября 1944 года, помещенные в одной записной книжке отнюдь не на соседних страницах, а также записи декабря 1952 года, сведенные для настоящей публикации из разных источников.

²⁰ РАЛ. MS 1066/550.

²¹ Первая дата была подчеркнута Буниным красной шариковой ручкой один раз, вторая — дважды и дополнительно отчеркнута на полях. Возможно, что о смерти Москвина, с которым Бунин был знаком с гастролей МХТ в Ялте в апреле 1900 года (тогда театр привез и пока-

Отбор и публикация записей дневникового характера, оставленных Буниным на обрывках или отдельных листах бумаги, в целом, подчиняются правилам, описанным выше. Как и в случае записных книжек, в дневниковый свод не включаются записи, не имеющие даты; единственное исключение — запись в январе 1950 года, в самой себе несущая однозначное указание о времени, когда она сделана.

Точно так же в дневниковые записи не входят выписки, лишенные дополнительных бунинских помет или комментариев и датированные только датой источника, из которого они взяты. Примерами могут служить выписка из дневника Зайцева от 10 мая 1945 года (в данном случае дата принадлежит дневнику Зайцева, а не Бунина)²² и записи по поводу языковых экспериментов Ремизова, которые стали постоянной темой бунинских разговоров последних лет.²³

При этом стоит учитывать, что часть единичных записей, хоть и была датирована Буниным, носит, скорее, не дневниковый, а мемуарный или художественный характер, поэтому решение относительно них требует особого обоснования.²⁴ Творческие рукописи Бунина, как правило, имеют дату, фиксирующую время окончания работы над ними и, соответственно, поставленную под текстом, в конце. В дневниковой записи место проставления даты может варьироваться: она может стоять и до текста, и после него, и быть включена в саму заметку (см. записи от 1 июля 1944 года, 2, 3 и 5 декабря 1952 года). Из этого следует, что наличие в тексте даты, поставленной в самом начале, должно как будто по определению вынести его из разряда художественных и приблизить к дневниковым. Но это правило соблюдается не всегда, и решающим аргументом здесь по-прежнему является характер записи, что и подтверждается двумя примерами, не включенными в настоящую публикацию. Во-первых, это набросок «Отель на Антибском мысу» (перед его заглавием стоит дата: «10.6.44»), имеющий характер творческого эскиза к возможному / будущему рассказу и никак не связанный с событиями текущей бунинской жизни (РАЛ. MS 1066/614). Во-вторых, это наброски, в первоначальной рукописи начинающиеся словами: «Вспоминаю происхождение моих рассказов...», — еще до этих слов даны время и место «вспоминаний»: «Сентябрь 1944 г., Grasse, A\lps> M<artimes>» (РАЛ. MS 1066/665).

Если же в датированной записи сходятся личное и художественное, воспоминания о прошлом и ощущения сегодняшнего дня и разделить их — значит нарушить целостность запечатленного высказывания, то при всей условности такого определения она включается в круг дневниковых записей (см. подробнее в прим. к записи от 10 марта 1945 года; ср. ее с записью от 15 мая 1951 года).

Публикуемые ниже записи расположены в единой хронологической последовательности. Их источники приводятся после каждой из них (если запись была переписана В. Н. Буниной²⁵ или перепечатана на машинке, то это указывается дополнительно). В отдельных случаях (где это имеет значение для понимания того, как и когда Бунин обращался к своим заметкам) указывается тип чернил и ручки, которыми записаны основной текст заметки и позднейшие вставки. Ряд записей отмечен у Бунина знаком (х): по всей видимости, он возвращался к ним, возмож-

зывал в присутствии Чехова четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокое» Г. Гауптмана и «Гедда Габлер» Г. Ибсена) и которого встречал во время гастролей МХТ в Париже в декабре 1922-го и в декабре 1929 года, Бунин и узнал из этого календаря в 1948 году.

²² РАЛ. MS 1066/715 (178).

²³ РАЛ. MS 1066/715 (128), (130), (133).

²⁴ Для записных книжек оно нерелевантно: все пограничные случаи так или иначе датированных записей в них разобраны нами выше.

²⁵ Собрание переписанных В. Н. Буниной заметок Бунина разного времени и происхождения см.: РАЛ. MS 1066/557. В снятых В. Н. Буниной копиях возможны незначительные расхождения с оригиналом, которые в этой публикации не оговариваются. Только одна запись, от 3 (4?) декабря 1952 года, публикуется здесь по копии, сделанной В. Н. Буниной и представленной в указанном собрании (оригинал Бунина не найден).

но, переносил в другие, не дошедшие до нас своды, — во всяком случае, обращал внимание, когда перечитывал свои записи. Поскольку оформление дат самим Буниным, как уже было сказано, варьировалось от случая к случаю, все записи в настоящей публикации дополнительно к авторским датировкам сопровождаются единообразными датировками, данными курсивом в правом верхнем поле. Авторские датировки воспроизводятся при этом там и так, как они даны в бунинских записях (за исключением названий месяцев, которые Бунин порой писал с прописной буквы). Записи воспроизводятся в новой орфографии (сам Бунин всю жизнь пользовался только старой), пунктуация приближена к современным нормам (характерные для Бунина случаи несоответствия ей оставлены без изменений). Подчеркнутые Буниным слова выделены курсивом, дважды подчеркнутые слова даны полужирным курсивом. Существенные для общего контекста зачеркнутые фрагменты приводятся в квадратных скобках.

Из дневников 1944—1945 годов

1 апреля 1944 года

Жуковский:

(х) «Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?»¹

Вечное человеческое страдание! И мое постоянное теперешнее.

1.4.44. Grasse, A⟨lpes⟩ M⟨artimes⟩²

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 1.

¹ Строки из «Песни» В. А. Жуковского («Минувших дней очарованье...», 1818). Через полгода они повторятся в письме Бунина к Б. К. Зайцеву (см.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. Кн. 138. С. 157; письмо от 4 ноября 1944 года).

² Приморские Альпы.

28 апреля 1944 года

(х) «Ночевала тучка золотая», «Белеет парус одинокий», «Для берегов отчизны дальней», «Ехал на ярмарку ухарь-купец» — и т. д. Разве это не целые рассказы? Почему же пишущим прозой не писать рассказы в 10, 20, 100 строк? Почему [ваятель] скульптор может изваять [только какую-нибудь] женщину [только в одну], девочку, юношу, живописец написать портрет, пейзаж, двух пьяных в кабаке, а я не имею права делать то же самое словами и только этим ограничиваться?¹ [Писал, пишу и буду писать рассказы в десять, двадцать строк.] [«Стихотворения в прозе»? Избави Бог! Нечто для меня нестерпимое.] [«Стихотворения в прозе»? При чем тут стихотворения? Извилиется, вывертывается!]²

28.4.44.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 1 об.

¹ К условности границы между поэзией и прозой Бунин возвращался постоянно, см. например, его интервью «Московской газете» 22 октября 1912 года: «Прежде всего я не признаю такого деления художественной литературы на стихи и прозу. ⟨...⟩ Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности одинаково как в стихотворной, так и в прозаической форме. ⟨...⟩ Равным образом я отрицаю ту эстетическую теорию, которая поэзии предписывает только чисто художественные задачи, различает направления гражданских мотивов, лирику и т. п. По-моему, предметом поэтического воспроизведения может быть все многообразие действительности» (цит. по: Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1967. Т. 9. С. 539).

² В квадратных скобках последовательно зачеркнутые фрагменты: второй был записан Буниным поверх первого, третий — сбоку, на полях.

8 июня 1944 года

8.6.44. В саду множество цветущей герани. Огненно-оранжевой.
В темно-пунцовой розе скрыто лиловое.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 3 об.

1 июля 1944 года

Мопассан («Sur l'eau») в ответ на слова Мольтке о войне:

«Voilà ce qu'on appelle ne pas tomber dans le plus hideux matérialisme!»¹

Вчера (30.6.44) перечитал, уж не знаю в который раз, «Sur l'eau»: много плохого, даже наивного. Но есть и истинно прекрасное.²

«Pourquoi <donc> cette souffrance de vivre alors que la plupart des hommes n'en éprouvent que la satisfaction?»³

«Notre mémoire est un monde plus parfait que l'univers: elle rend la vie à ce qui n'existe plus!»⁴

(«Sur l'eau»)

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 20 об.—21.

¹ Бунин отмечает эпизод из книги Г. де Мопассана «На воде» (1888), в котором тот странно отвечает на высказывание одного из основателей Германской империи, генерал-фельдмаршала, графа Х. К. Б. фон Мольтке (1800—1891). Мопассан подхватывает высказывание Мольтке о войне как «святом деле», которое поддерживает в людях великие чувства, — «словом, она не дает им впасть в самый омерзительный материализм». Ответ Мопассана представляет собой своего рода антивоенный памфлет о притязаниях армии, разрушающей плоды человеческого труда и знающей только как «объединяться в четырехсоттысячные стада, без отдыха маршировать день и ночь, ни о чем не думать, ничему не учиться, ничего не знать» и т. д. Эта часть книги Мопассана построена как цепь риторических периодов, каждый из которых заканчивается рефреном: «Вот что называется не впасть в самый омерзительный материализм» (*Мопассан Г. де. На воде* / Пер. Б. В. Горнунга // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 7. С. 294—295).

² Бунин действительно в течение жизни не раз обращался к этой книге Мопассана, см. его запись от 26 февраля 1911 года, сделанную во время плавания на Цейлон: «После завтрака перечитал „На воде“ Мопассана. (...) Большая прелесть в ее свободе, в отсутствии героев и героинь, в смелости, которую нашел в себе человек, говорить о себе, о том, что это есть нечто такое, о чем мечтал Флобер, желавший написать „Книгу ни о чем“. И много восхитительных по силе, легкости, точности и изяществу описательных сторон, особенно вначале и вообще там, где дело касается моря и яхты. Но много и такого, что почти пошло, истинно по-французски. (...) Дочитав и бросив книгу за борт, долго гулял» (цит. по автографу: РАЛ. MS 1066/293—294). Вполне возможно, что свободная форма повествования, лишенная сюжетности и представляющая лирический поток воспоминаний автора, повлияла и на стиль «Жизни Арсеньева». Осенью 1928 года Бунин вновь читал Мопассана (Дневник В. Н. Буниной, запись от 27 октября 1928 года; РАЛ. MS 1067/393).

³ «Отчего же мне причиняет страдание жизнь, в которой большинство людей находит только удовлетворение?» (*Мопассан Г. де. На воде*. С. 307).

⁴ Цитата из рассказа Мопассана «Самоубийцы» («Suicides», 1880). «Наша память — мир более совершенный, чем вселенная: она возвращает жизнь тем, кто уже не существует!» (*Мопассан Г. де. Самоубийцы* / Пер. О. Лавровой // Там же. Т. 3. С. 413).

24 июля 1944 года

(х) В Италии, между двумя морями,

Возносятся Катрийские утесы

Так высоко, что гром гремит под ними...¹

(х) Как прекрасно! И как больно при мысли, что никогда больше не быть мне в [этой] Италии [, лучшей в мире!]² И что сделал с ней этот скот, вообразивший себя

полубогом, Цезарем, и теперь, как последний холоп, скрывающийся где-то возле Хитлера <так!>, но все еще играющий в «Дуче», назначающий министров и т. д.¹³
24.7.44.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 25.

¹ Цитата из книги Д. С. Мережковского «Данте» (Брюссель, 1939), которую Бунин читал в это время; выписки из нее присутствуют и на других страницах этой записной книжки апреля—ноября 1944 года. Мережковскому же, по всей видимости, принадлежит и перевод этих строк из 21-й песни «Рая» (перевод Лозинского был сделан позже и вышел в 1945 году). Катрия — возвышенность в центральной части Апеннин; согласно примечаниям М. Л. Лозинского к его переводу «Божественной комедии», на ее склоне расположен монастырь Фонте Авеллана, о котором идет речь в продолжении цитаты.

² Начиная с февраля 1904 года Бунин не раз бывал в Италии, провел там (главным образом, на Капри) три зимних сезона: февраль—апрель 1909 года, октябрь 1911-го — февраль 1912 года, ноябрь 1912-го — март 1913 года. В эмигрантские годы Бунин коротко посещал Италию в ноябре 1936 года, мае и августе 1937 года.

³ В сентябре 1943 года на территории оккупированной немецкими войсками северной и центральной Италии была создана Итальянская социальная республика, правительство которой по требованию Гитлера возглавил Б. Муссолини. Южная часть Италии в течение первых месяцев 1944 года была отвоевана союзниками. Про «несчастную Италию, зарезанную этим быком», т. е. Муссолини, см. также в записи Бунина от 8 января 1944 года: Устами Буниных. Т. 3. С. 159—160.

13 октября 1944 года

13.X.44. Нынче видел во сне Г<алю>¹ совершенно с теми же чувствами, как когда-то (последующих точно не было).² Значит, в нас *остаются* не только впечатления того, что было, но и пережитые тогда чувства.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 32.

¹ К этому времени роман Бунина с Галиной Николаевной Кузнецовой (1900—1976) остался в прошлом: в 1934 году она соединила свою жизнь с М. А. Степун. После нескольких драматических лет, в течение которых Кузнецова и Степун не раз вынуждены были пользоваться бунинским кровом, в апреле 1942 года они навсегда уехали из Грасса и уже никогда больше не делились с Буниным. Их переписка длилась до конца его жизни (см.: И. А. Бунин. Новые материалы. М., 2014. Вып. 3: «Когда переписываются близкие люди...». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934—1961 / Науч. ред. серии О. А. Коростелев и Р. Дэвис; сост., подг. текста, научный аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительная статья Е. Р. Пономарева).

² Текст в скобках вписан.

14 октября 1944 года

(х) 14.10.44. Перечитывал на днях давно не читанные стихи Лермонтова (с болью вспоминая, чувствуя те далекие отроческие дни свои, когда читал их впервые). Стихи его юношеских лет такой в общем жалкий, детский вздор, что просто ужас берет — зачем все это напечатано не в приложении к его сочинениям! Лично утешался: до сих пор мучусь позором, что напечатано в приложении к «Ниве» в 15 году такое множество моих первых стихов, а чего мучиться, когда первые стихи Лермонтова не лучше, часто даже хуже!¹

Перечитывал и его первую прозу. «Вадим» настолько младенческая глупость, что диву даешься, как это через десять лет мог он написать «Героя нашего времени», в котором мальчишески глупо и ненужно только предисловие (да и заглавие). Впрочем, и в «Княгине Лиговской» уже виден будущий замечательный писатель.²

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 34—34 об.

¹ Речь идет о Полном собрании сочинений Бунина, выпущенном в 1915 году в издательстве А. Ф. Маркса приложением к журналу «Нива». По условиям договора, в это собрание должны были войти все сочинения, прежде включенные в отдельные издания, что уже тогда вызвало у Бунина раздражение, см. его письмо управляющему конторой журнала «Нива» А. Е. Розинеру от 15 мая 1914 года: *Бунин И. А. Письма 1905—1919 годов* / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов. М., 2007. С. 305; см. также выдержки из издательского договора: Там же. С. 687. И через много лет, в 1951 году Бунин жалел: «Я (...) был вынужден дать Марксу многие из очень слабых вещей, написанных мною в первые годы моей литературной деятельности со всей небрежностью, присущей мне в ту пору, и напечатанных большей частью из-за нужды или по слабости характера» (*Бунин И. А. К моему литературному завещанию* // Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 482).

² Особое отношение к Лермонтову Бунин пронес через всю жизнь. Ему (еще до Пушкина) он, по собственному признанию, «больше всего» подражал в юношеских стихах (*Бунин И. А. Автобиографическая заметка* (1915) // Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 259). На Лермонтова пал выбор Бунина, когда в 1928 году его спросили, о ком бы он хотел написать роман-биографию (*Устами Буниных. Т. 2. С. 189*). Едва ли случайно и то, что фамилия главного героя главной бунинской книги совпадает с девичьей фамилией матери Лермонтова — Арсеньева. В последние годы (судя по его записям, начиная с 1944 года) Бунин не раз перечитывал стихи и прозу Лермонтова. По свидетельствам В. Н. Буниной и Г. В. Адамовича, стихи Лермонтова — последнее, что Бунин читал вслух летом и осенью 1953 года (см.: *Устами Буниных. Т. 3. С. 208*; *Адамович Г. В. Бунин. Воспоминания* // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1971. Кн. 105. С. 135). Мотивы приведенной здесь записи Бунина совпадают со сделанной на два месяца раньше, 10 августа 1944 года: «Вчера перечитывал (...) „Вост(очные) повести“ Лермонтова: „Измаил Бей“, „Ангел смерти“ и т. д. Соверш(енно) детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками» (*Устами Буниных. Т. 3. С. 168*). Среди поздних записей Бунина на обрывках бумаги сохранилась такая: «Выхожу один я на дорогу... Его гибель страшнее для России, чем гибель Пушкина. Мартынова надо было четвертовать (...)» (РАЛ. MS 1066/715 (99)).

10 ноября 1944 года

Записи священника А. Ельчанинова:

«Младшие дети в семьях или „дети старости“ — обычно избранные: св. Дева, Иоанн Предтеча, Исаак, Иосиф... Св. Тереза была последней из десяти. В сказках отличен — именно в духовном смысле — младший...»¹

Опять я подумал о себе. Я младший из [всех моих] братьев, когда родился, отцу было почти 50 лет, матери 40. Юлий и Евгений были старше меня лет на 12, на 13.² И до чего я не похож на них и телесно и всячески!

Кстати — я уже *последний* в роде.

Наша ветвь Буниных мною кончается.

У брата Евгения был незаконный (от его кухарки) сын, Арсений.³ Но узаконен ли он? И жив ли?

Не знаю, кому останется мое литературное добришко. Пока завещано Вере. А когда она умрет?⁴ Кто и, главное, как им распорядится? Ужасно...

Вечер 10 ноября 1944 г.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 31—31 об.

¹ По всей видимости, Бунин пользовался изданием: *Ельчанинов А. В., свящ. Записи* / Предисловие Т. Е. [Т. В. Ельчаниновой]. Париж: YMCA-Press, 1935. С. 66. Его же читала В. Н. Бунина, как следует из ее письма мужу от 6 апреля 1938 года (РАЛ. MS 1067А/165).

² Родившийся в 1870 году Бунин был седьмым ребенком в семье. Прежде него родились братья Юлий (1857—1921; публицист, общественный деятель, народник), Евгений (1858—1935; помещик, художник-любитель), затем (с 1859 по 1865 год) — четверо детей, умерших в раннем возрасте: Анатолий, Константин, Олимпиада, Сергей. Позже родились сестры Мария (1873—1930) и Александр (1874—1879; в «Автобиографической заметке» (1915) Бунин называет ее Надей). См.: *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. 1870—1909* / Сост. С. Н. Морозов. М., 2011. Т. 1. С. 12, 14, 15.

³ У Е. А. Бунина было двое детей: Арсений и Маргарита. Еще в 1934 году (возможно, и позже) Бунины посылали им деньги. Адрес Арсения Евгеньевича Бунина в записной книжке В. Н. Буниной: «88/46 Свердловская ул. Г. Ефремов Московской обл. URSS» (РАЛ. MS 1067/833).

⁴ После смерти Бунина некоторые материалы его архива В. Н. Бунина передала в СССР. После ее смерти в 1961 году архив унаследовал Л. Ф. Зуров (1902—1971). Сейчас Бунинская коллекция находится в РАЛ, см. прим. 13 к вступ. статье.

10 ноября 1944

Наконец прочел слова «Гимна Советского Союза»: нечто ужасающее!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.
Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем,
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе отчизну свою поведем...¹

И это «гимн»! Гимн одной из величайших держав мира! Убожество [непостижимое] несказанное! Ниже пасть невозможно. И весь мир празднует это падение.

10.XI.44.

РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 39.

¹ До 1943 года гимном СССР был «Интернационал», с 1944 года гимном стал текст, второй и третий куплеты которого приводятся здесь Буниным. Авторы слов С. В. Михалков и Эль-Регистан, композитор А. В. Александров. Впервые исполнен в ночь с 17 на 18 апреля 1944 года по Всесоюзному радио. Бунину он мог быть известен, во всяком случае, с конца августа 1944 года, т. е. освобождения Граса союзными войсками: «друзья советской России», как они себя называли, появились в Ницце буквально через несколько дней (см.: Дневник В. Н. Буниной, записи от 28 августа, 13 сентября 1944 года: РАЛ. MS 1067/416—421).

9 марта 1945 года

9.3.45 Grasse.

Боже мой, как все больно — что ни вспомнишь! Опять вспомнил апрель 1903 г. Константинополь, Принцезы острова, весна, какой-то монастырь на горе на острове, сладкие переливы дроздов... Моя молодость, одиночество... Но кому все это нужно?¹

Принцезы острова, весна 1919 г. А. Толстой, Цетлины...² И вот уже только кучка пепла от этого Толстого...³

Наш отъезд из Москвы. Простясь с нами на подьезде вокзала, Юлий одиноко поплелся домой, заложив руки за спину... Оказалось, простились навеки.⁴

Скачки моих мыслей, воспоминаний — непостижимые скачки! Неужели у всех так?

Когда Любочка?⁵

Фет:

Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною —
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею...⁶

Вспоминаю почему-то⁷ белый скалистый берег за Антибским мысом...⁸

Фет:

Какая ночь! На всем какая нега...

«Орловский Вестник», она играла Чайковского на эти слова...⁹

РАЛ. MS 1066/456. Автограф (черные чернила). Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/458, маш.; РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Первую поездку Бунина в Константинополь в первой половине апреля 1903 года В. Н. Бунина (вероятно, вслед за мужем) считала «самым поэтическим из всех путешествий Ивана Алексеевича: весна, полное одиночество, новый, захвативший его мир» (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. статья и прим. А. К. Бабореко. М., 2007. С. 225*). Принцессы острова — группа из девяти островов в Мраморном море недалеко от Константинополя.

² Бунин вспоминает время тесного общения с Марией Самойловной (1882—1976) и Михаилом Осиповичем (1882—1945) Цетлиными и А. Н. Толстым (1882—1945) в Одессе в ноябре 1918-го — марте 1919 года. Подробнее см. в очерке Бунина «„Третий Толстой“»: *Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 225 и др.* (впервые: *Новое русское слово. 1950. 1, 2, 3 января*). Весной 1919 года (а именно 5 апреля) Цетлины и А. Н. и Н. В. Толстые спешно уехали из Одессы (перед занятием ее большевиками). На Принцевых островах был устроен карантин для всех беженцев из России, отсюда они переезжали в Константинополь.

³ Эта запись вызвана известием о смерти А. Н. Толстого (23 февраля 1945 года), см. теми же словами в письме Бунина к Б. К. Зайцеву от 26 февраля 1945 года: «А вчера в 6 часов вечера Алешу сожгли — осталась только кучка пепла — больше *ничего* не осталось от него, т. е. от его живого существа, ни в Москве, ни во всем мире. И понять, постигнуть это — нет совершенно никаких сил» (*Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. Кн. 138. С. 168*). Смерть А. Н. Толстого оказалась для Бунина в ряду уже многих для него примеров внезапного и непостижного уму исчезновения того мира (Россия до 1917 года, Франция до 1940 года) или тех людей, которых он знал, которые были наполнены жизнью и вдруг канули: «Боже мой, давно ли все это было — наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой! (...) Исчез из мира совершенно!» (*Устами Буниных. Т. 3. С. 176*). См. также записи от 17 января и 23 февраля 1953 года.

⁴ И. А. и В. Н. Бунины навсегда уехали из Москвы 5 июня 1918 года. Их провожали Ю. А. Бунин и Е. П. Пешкова. Позднее В. Н. Бунина вспоминала, что они звали Ю. А. Бунина уехать с ними, но он решил дожидаться выздоровления племянника, Н. А. Пушешникова, и приехать на юг уже вместе с ним (*Устами Буниных. Т. 1. С. 171*). Исполниться этому было не суждено: Ю. А. Бунин умер в Москве 17 июля 1921 года. От И. А. Бунина смерть брата скрывали, только 20 декабря 1921 года он узнал о ней из газеты и переживал утрату мучительно и долго, корил себя за то, что не был рядом с братом в последние годы (см., например: *Устами Буниных. Т. 2. С. 72*). Абзац отчеркнут Буниным на полях красной шариковой ручкой. После Бунина его же дописал: «Страшно перечитывать!»

⁵ Вероятно, имеется в виду Любовь Ивановна Рыбакова (1882—1973), сестра Г. И. Чулкова. Бунин познакомился с ней в декабре 1901 года (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 208*). Про «головокружительный, „африканский“ роман с некой Любой Р.» и его развязку он спустя почти 30 лет вспоминал в разговоре с Бахрахом (*Бахрах А. В. Бунин в халате. С. 90—91*).

⁶ Бунин приводит стихотворение А. А. Фета «Снился берег мне скалистый...» ((1856—1857)), пропуская третью строку: «Как ребенок дремлет чистый, —».

⁷ «почему-то» вписано красной шариковой ручкой.

⁸ Через два года, будучи в Русском доме в Juan-les-Pins (Жуан-ле-Пен) на Лазурном берегу близ г. Антибы, Бунин писал, что находится «на курорте, несколько подобном нашему Гурзуфу» (письмо Н. Д. Телешову от 1 апреля 1947 года: *Лит. наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 633*).

⁹ Речь идет о Варваре Владимировне Пашенко (1869 или 1870—1918), возлюбленной и гражданской жене Бунина в 1889—1894 гг. Они познакомились в редакции газеты «Орловский вестник», сотрудником которой Бунин состоял в 1889—1892 годах (Пашенко была племянницей фактического редактора газеты Б. П. Шелехова). Первые строки стихотворения Фета «Еще майская ночь» (1857) П. И. Чайковский поставил эпиграфом к пьесе «Май. Белые ночи» из цикла «Времена года» (1875—1876). В одном из первых писем Бунина к Пашенко приводится еще одно стихотворение Фета «Я тебе ничего не скажу...», на слова которого Чайковским был написан романс (1886), см.: *Бунин И. А. Письма 1885—1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; подг. текста и комм. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2003. С. 39*.

10 марта 1945 года

10.3.45. Grasse, A\lpes\ M\artimes\

В теплую, светлую ночь в июле, в деревне, в одинокой возле нее, давно необитаемой усадьбе, где когда-то родился его отец, ночевал в кабинете с открытыми окнами.

Из окон виден широкий, заросший травой двор, за разрушенной каменной оградой которого деревенский выгон, а за ним поля. Ночь веселая, мирная — и даль особенно прекрасна там, напротив, в полях, под светлым южным небосклоном.

Казалось, что выходил в сад за домом — по комнатам в сумраке, по залу, потом по гостиной и по балкону, по его сгнившим доскам. Сад редкий, мелкий, одичавший, тоже сливается вдаль с полями под северным небосклоном, спокойным и несколько сумрачным, грустным. От балкона идут среди кустов и старых яблонь два ряда старых берез, оставшихся от вырубленной аллеи. Тень от крыши дома падает до одной из них, ближней, ствол которой особенно бледно-ярок от лунного света, и звездное небо над ее высокой вершиной кажется глубже... Потом опять кабинет — и сон или явь? Окна в теплом месячном свете, в комнате легкий сумрак. И из сумрака слышен ласковый, спокойный голос отца, невидимого, давно умершего. Его расспросы, долгая беседа с ним, рассказ ему о своей жизни...¹

РАЛ. MS 1066/568. Автограф.

¹ Эта заметка может служить выразительным примером того, насколько зыбкой была у Бунина грань между дневниковыми записями, мемуарными заметками и художественными набросками. Возможно, она представляет собой запись сна или набросок рассказа. Неопределенная модальность высказывания («сон или явь») отражена и в неопределенности того «я», от лица которого ведется речь (сам Бунин? рассказчик? герой?). Запись сделана на одном из листов, сложенных вместе, на которых зафиксированы размышления, воспоминания, выписки Бунина из разных книг и т. д. Собрание этих листов по своему характеру приближается к записным книжкам и отличается от них только отсутствием общего переплета. Наряду с явным личным характером высказывания, отнести эту запись к дневниковым позволяет дата и точное место, данные так, как обычно это было в дневниковых записях Бунина.

14 апреля 1945 года

14.4.45.

Вчера: взятие Вены.¹ Смерть Рузвельта.²

РАЛ. MS 1066/538. Автограф на листке из календаря. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Штурм Вены советскими войсками завершился накануне, 13 апреля.

² Президент США Франклин Д. Рузвельт умер 12 апреля.

16 апреля 1945 года

16.4.45. Пон\едельник\.

Вышел вечером, в 10-м часу — совсем золотой рог молодого месяца над пиниями возле часовни.

Ходил на дорогу, немного дальше спуска в город.

РАЛ. MS 1066/538. Автограф на листке из календаря, вместе с записью от 14 апреля 1945 года.

(Продолжение следует)